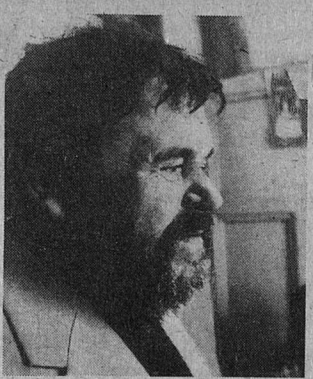

Подлинники

Вех. кнго. -1995.-240х. -с. 7.

И кистью, и тряпкой, и веником

90-летней вдовой поэта-лефовца А.: вдова, мол, охотится за его картинами, а Зверев время от времени просит ее руки. Говорили еще, что он может написать портрет за полчаса. Словом, легенд хватало.

Зверев же легенд этих отнюдь не опровергал, напротив того — подогревал их. И это-то как раз неудивительно. Удивительно другое: почти все они в конце концов оказались правдой. А если где-то и допускались преувеличения, то лишь самые минимальные. Однажды после веселого застолья Зверев один за другим написал два портрета, затратив на каждый минут по сорок. И надо было видеть, что с ним творилось в эти сорок минут. Куда девались грузность, флегма, "следы излишеств". Наружу прорвался такой напор, такие размах и мощь, которые в те баснословные годы можно было передать, пожалуй, только при помощи словосочетаний вроде "большая руда", "главный калибр", "юбилейная плавка" или, на худой конец, "Олимпиада-80". Он стал стремителен и точен. Каждая линия проводилась раз и навсегда. Каждая краска ложилась туда, где ей и должно лежать. А портрет проступал на картоне прямо-таки с мультипликационной быстротой.

В его работе, в самом этом почти сверхъестественном процессе, напоминающем одновременно и бешеную гонку, и хирургическое вмешательство, сиял Божий дар и торжествовало добытое потом мастерство. В детстве, в полублатных Сокольниках, маленький Зверев с одержимостью одержимого с утра до ночи занимался только одним делом — рисованием. Он рисовал всегда и рисовал везде. Рисовал чем угодно и на чем угодно. Кистью. Щепкой. Тряпкой. Пальцем. На стене. На столбе. На скамье. На асфальте. Кстати, эта творческая манера сохранилась у него до

конца жизни. И в ней не было ничего от авангардной поэмы, а была бесконечная и изнурительная борьба духа с материалом, преодоление материала, победа над материалом и, наконец, свобода от материала. Эта свобода была из каждой его картины, делала их опасными, а его — запрещенным. Он мог нарисовать просто куст или букет на окне, но и куст, и букет кричали о свободе. Сам Зверев вряд ли когда-нибудь пытался выразить свое кредо словами, но достаточно было увидеть его за работой, чтобы раз и навсегда понять, что подлинному художнику нужны только глаз, рука и немного краски. А относительно ровная поверхность сама найдется. И при чем тут колонковые кисти?

Многие сегодня знают Зверева-художника, но еще далеко не все знакомы с творчеством Зверева-поэта. А он был поэт и поэт истинный. Его стихи по сей день не собраны и не отрецензированы, не изданы и не отрецензированы. Да что там, многие так и не записаны. И кажется, так навсегда и останутся они рассеянными по свету на обрывках и в изустных преданиях. Кажется, никогда уже не суждено их пленительной сладости прорвать завистливую даль веков. А жаль, ибо мы лишаем себя наследия поэта чрезвычайно строгого, что называется, взыскательного.

Правда, надо заметить, что Анатолий Зверев был строг скорее к русской поэзии, чем к самому себе. Он твердо знал место каждому из своих предшественников и оценивал их вклад в сокровищницу отечественной словесности по школьной пятибалльной системе. Пушкину Зверев выставил четверку, Хлебникову — тройку, Маяковскому вложил «пару». Все же остальные, включая сюда и старика Державина, получили по единице. Надо

ли уточнять, что оценку "отлично" Зверев оставил себе.

Из всех поэтических произведений Анатолия Зверева особенно выделяется одно, которое сам он называл поэмой, ставил значительно выше остальных и, вероятно, поэтому читал чаще. А так как объем данных заметок да и самой поэмы вполне позволяет привести этот текст полностью, то — вот он:

КУЛИКОВСКОЕ ПОБОИЩЕ (поэма)

*Перехватив инициативу,
На полчища
На полчаса
Натянул тетиву я.
И ни...*

С точки зрения теории стиха наибольший интерес здесь, бесспорно, представляет 4-я строка, которая одновременно рифмуется как с 1-й (тетиву — инициативу), так и с 5-й (тетиву я — ни...). Не только в русской, но и, пожалуй, во всей мировой поэзии мы затруднились бы указать второй случай столь же амбивалентной рифмы. Но тут, к сожалению, приходится прерваться, поскольку разговор, грозя стать слишком специальным, уведит нас далеко от темы. Видимо, не место здесь и анализу выразившихся в поэме историсофских

взглядов Анатолия Зверева, которые, вне всякого сомнения, и глубоки, и оригинальны. Однако представляется и уместным, и своевременным вычленивать ту личную, интимно-лирическую ноту, что звучит в этом маленьком шедевре, то вдруг замирая, то вновь прорываясь сквозь его эпическую толщу.

Анатолий Зверев доиграл роль непризнанного гения до конца. В полном соответствии с образом он обменивал свои картины на водку днем, коньяк вечером и пиво утром. В полном соответствии с образом он остался независимым в самой зависимой из стран. Он и умер, то как полагается — чуть ли ни где-то под забором. Но хотя итог был предопределен, он-таки перехватил инициативу, не подчинился обступившим его полчищам и прожил жизнь на свободе.

Алексей АНТОНОВ.

На снимке: этот портрет коллекционера А. Глезера, только что вернувшегося из заключения, Зверев написал... веником. (1975 год).